

ОТ АВТОРА
МЕГАБЕСТСЕЛЛЕРА
БОЛЬНО.РУ

ЕВГЕНИЙ
НИЧИПУРУК

ТРАКТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Ничипурук

Тракт

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ничипурук Е. В.

Тракт / Е. В. Ничипурук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В 2000-х повесть Евгения Ничипурука «Больно.ру» взорвала постсоветское пространство. Более полумиллиона человек прочитали ее... За вышедшие следом «Сны Сирен» и «Дерево Жизни 2012» пресса окрестила его «Русским Чаком Палаником». И вот после 9 лет молчания он возвращается с романом «Тракт», достойным состязания с северными сагами самого Джека Лондона. Русский Север Ничипурука лишен «соплей и иллюзий», но пронизан завораживающим духом мистики. Основанный на собранных в двух экспедициях реальных материалах, этот роман — о поиске самого главного сокровища: своего истинного «Я». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Предисловие

*Самые опасные ветра – в феврале.
Море окрашивается в цвет темноты.
На нашей засекреченной широте
Готовятся выть в марте коты.
И то ли камешки, то ли ледышки
Футболу дальше по дороге прямой.
Раскладываю мысли, мечтаю о передышке
Перед решающей встречей с весной.*

Стекло было покрыто толстым слоем пыли. Таким, что с одного касания палец не мог пробиться к гладкой поверхности. Приходилось несколько раз водить по одному месту, чтобы обнажить хотя бы незначительное мутно-прозрачное пространство, а потом, прислонившись грязным колючим мхом щеки к этой застарелой плесени, сщутив правый глаз до щипоты, борясь с чахоточными спазмами, подступающими к гайморовым полостям, пытаться разглядеть МИР за пределами этой странной комнаты. А МИРА никакого на самом деле не было. Была такая же темная, покрытая толстенным слоем паутины и пыли комната, и такой же обросший, небритый человек с испуганными глазами, отчаянно пытающийся разглядеть что-то в запачканном окошке. И что-то давало мне уверенность, что я знаю, что именно открывается ему в прокорябанной ногтем маленькой щелочке. И так до бесконечности. Маленькие черные комнаты, замкнутые в кольцо. Гигантское кольцо. Кольцо сделано из белого золота и украшено черным квадратным бриллиантом. Кольцо летит в пространстве, оборачивается вокруг своей оси, будто планета Сатурн, медленно и беззвучно. Оборачивается еще раз и тут же падает мне на ладонь, обнаруживая свой вес. Я беру его, зажав двумя пальцами, большим и указательным. Поднимаю его к солнцу и наблюдаю за тем, как лучи света навсегда исчезают, дробясь на бесконечность в гранях идеального черного кристалла. Я улыбаюсь и смотрю по сторонам. А вокруг снег. Черный бриллиант и ослепительно белый снег. И низкое светило, такое яркое, что в жизни не видел. Я чувствую, что мне холодно и жарко одновременно. По щеке течет что-то теплое. Тоненькой струйкой огибает мой подбородок и стекает по покрытой инеем бороде. Я опускаю взгляд и вижу, как в снег падают красные бусинки крови. Будто кто-то рассыпал чашку с клюквой, и ягоды выстрелом из дробовика пробили в насте брешь. И тут я просыпаюсь с мечтательной улыбкой на губах. Мне хорошо в этот момент. Хотя, наверное, все же мне приснился кошмар.

Часть I

Часть

На пути
к холодному
Солнцу

Глава 1

Карта сокровищ

– И что, она прям настоящая? – спросил толстый мальчишка Леха, склонившись над нашей картой.

Вида он был важного, хотя по вытарашенным глазам я легко разгадал, что вещица произвела на него впечатление.

– А то. Мы с Васильком ее на старом чердаке нашли, – врал я. – Самая что ни на есть настоящая.

Играть в «клад» я придумал еще весной, да все никак не получалось сложить вместе все составляющие. После прочтения «Острова сокровищ» клады будоражили мое детское воображение. Но какие клады в нашем городе? Откуда взяться пиратам, заговорам или тайным обществам? На дворе восемьдесят восьмой год. Круглолицый дядя по шипящему телеку провозглашает перестройку, дед умер год назад, мама с папой скандалят почти каждый день, так что мы с Васильком прячемся с фонариком и книжками в сооруженном из стульев и одеяла шалаше. «Любимое» блюдо на обед – макароны с майонезом. Еще эти ненавистные сандалии на носки. Пальцы «врастопырку» больно бьются о всякие предметы. Мечты о настоящих кроссовках, мечты о короткой стрижке, чтоб с девочкой никто никогда не путал. Книга Владислава Крапивина «Трое с площади Коронад» да «Остров сокровищ» Стивенсона зачитаны до дыр. На днях взял из дедушкиной библиотеки «Последнего из могикан». Василек все больше атласы читает в нашем штабе. Его фонарик освещает красочные картинки всяких механических устройств. Ему нравится техника. Самолеты, корабли, экскаваторы и краны. А мне – истории. Истории про настоящих героев, про настоящие приключения. И вот я подбиваю Василька на эту игру в «клад».

– Вообще, конечно, похожа на настоящую. Ей лет сто, наверное, или около того. Смотри, бумага как пожелтела! – продолжает важничать Леха.

Все остальные мальчишки, затаив дыхание, слушают его. Леха – мальчик крупный, рассудительный, авторитетный. С ним спорить сложно. Он больше любого из нас и ему даже драться не надо: толкнет, и ты летишь, потом ходи с разбитыми коленками.

– Да и подчерк, видишь, какой? Буквы вроде такие, как раньше писали, все с завитушками, – добавляет другой мальчик, Витя, в очках, он живет в соседнем подъезде от нас.

Его мама все время громко кричит из окна, когда его зовет, бесит это ужасно.

Чтобы играть в «клад», конечно же, нужна карта. Это отправная точка. Начало начал. Иначе никакой игры. Но откуда ее взять? Карту нужно сделать самому. Или никак. Мне повезло. Мой прадедушка Саша писал моей бабушке с войны письма. И письма все эти бабушка хранила, разумеется, как память об отце и о войне. Прадедушка обладал невероятным почерком. Был он потомственный дворянин, и писать его учили еще в дореволюционной гимназии. Писал он виртуозно. Каждая буква – произведение искусства. Учил он писать и мою маленькую бабушку. Писал ей с фронта письма, а еще алфавит свой красивый и задания давал: вот, мол, напиши такие-то слова, и пример, как их надо выводить, и чистые листы вкладывал в письмо для этих упражнений. Письма с фронта ходили долго. Пара писем вообще затерялась, и пришли они уже после войны, когда семья вернулась из эвакуации в город. Прадедушка уже год был дома, а его догнало письмо с алфавитом, заданием да чистыми листами. «Ох уж эта почта! – смеялся дед. – Так ты, дочь, красиво писать и не научилась из-за нее!» Дед преувеличивал, конечно. Благодаря его заданиям и письмам у бабушки тоже был невероятный почерк. Другой, но тоже очень аккуратный и красивый. Не было в нем той филигранности, но было что-то свое, особенное. Сейчас так не пишут...

Один из этих так и не использованных листков с фронта лег в основу создания нашей карты с кладом. Еще пришлось стащить у бабушки перьевую ручку. Карту рисовали чернилами. Василек чертил схемы, а я делал всякие пометки, изо всех сил стараясь писать на манер прадеда. Потом бумагу долго просушивали над свечкой, чтобы она окончательно зажелтела, терли, мяли сгибы до дыр, опять сушили, и вот карта лежит на лавочке во дворе перед изумленными мальчишками.

– И как же понять, где тут клад? Мне бабушка рассказала, что в войну немцы тут все разбомбили, а потом сами эти же немцы все обратно строили, но не так, как было, уже, конечно...

– А можно пойти в краеведческий музей и там сравнить со старой картой города! – предложил я, прекрасно помня, что именно легло в основу нашего схематичного плана.

И вот мы с трудом дожидаемся субботы и вшестером идем в музей. Тетенька на входе узнает нас с братом и здоровается. Мальчишки переглядываются, а я краснею и вру, что у нас дачи рядом. Карту дореволюционного города я даю им возможность найти самим. Мы с Васильком переглядываемся. Игра все больше и больше затягивает нас. Еще чуть-чуть, и мы сами поверим, что карта – настоящая.

– Нашел! – кричит кудрявый мальчик Костик. – Это же наш район! Смотри! Вот Царица, вот Волга! А вот этот дом, где на плане крест, – это же дом того купца, Тихонова!

Все тут аж присвистнули. Дом купца Тихонова был легендарным местом. Если уж есть клад где-то, то именно там! Стоял он когда-то на холме, в месте, где речка Царица впадала в могучую Волгу. Это сейчас реки, можно сказать, и нет. Так, ручей в овраге да под землей в трубах, а тогда это была полноводная река. Заходили суда с Волги, пристань была, торговля. Ну и купец богатый тут жил на холме. Дом был как замок, стены толстые, кладка прочная, на века. И стоял бы он еще много сотен лет, наверное, если бы не война и немцы с бомбами. Дом разбомбили до основания, остались лишь обширные подвалы с красивой сводчатой кирпичной кладкой. Мы с мальчишками уже пару раз лазали туда с фонариками, но ненадолго. Серьезно их не исследовали. Было всем там немного боязно. Лучшего места для поиска клада и не придумать.

У мальчишек глаза горят. Горят и у нас с Васильком. «Игра в клад» получается самой настоящей. Мы готовим настоящий поход. Планируем, что нужно взять, собираем инвентарь – фонарики, кто-то нашел настоящую кирку и зачем-то ледоруб; обсуждаем, что подобрать в сухой паек, ведь поиск клада может затянуться на весь день. Ну и самое главное – придумать, что сказать родителям, чтобы нас не бросились искать слишком рано. Мальчишеские фантазии, детские игры... Василек только косится на меня иногда, будто спрашивает – а ты уверен? Да, а почему нет. Клад мы не найдем, зато будет настоящее приключение. Развалины старинного дома манят. Может, там действительно что-то есть. Да. Там наверняка что-то должно быть. И есть ведь карта! Я уже сам забываю, как мы рисовали старательно ее, как выводили план и как я писал старинным каллиграфическим почерком прадеда: «Монеты золотые царские тысяча штук, облигации казначейские на двести тысяч рублей, браслет золотой с бриллиантом...». Неделю мы жили окутанные тайной, говорили шепотом, видели в снах предстоящее приключение. Наша маленькая компания откололась от других детей во дворе. Мы не играли со всеми, у нас была большая цель, нас объединяла наша собственная игра... Смог бы я тогда признаться всем, что карта липовая, что все это – просто попытка создать настоящее приключение, раскрасить наши детские будни? Нет, конечно. Я бы струсил. И как ни смотрел на меня с укором Василек, будто знал наперед, что будет, мы все уже, словно желто-красный трамвай, неслись по рельсам своей судьбы, в темные катакомбы руин заброшенного дома на холме.

На дворе стоял жаркий, душный и ветреный август. С дальних степей, окружавших город с севера и запада, летел серый песок, словно вестник чего-то. Как перед нашествием гунов на старое городище, стоявшее здесь же тысячу лет назад...

В оговоренный день мы все, предварительно выдумав вполне себе реальные причины (мы с Васильком сказали бабушке, что записались на экскурсию в «Школу юных моряков», о которой мы оба давно твердили целыми днями и куда действительно планировали записаться в начале учебного года), покинули наш уютный старый двор, прихватив с собой заранее припрятанные котомки с вещами. Наша бравая команда из шести мальчишек практически незамеченной миновала соседние дворы и добралась до оврага в пойме реки Царицы. По реке можно было спокойно дойти до пункта нашего назначения, не привлекая внимания взрослых. В овраге я больно поцарапал ногу о какую-то торчащую проволоку и прихрамывал. Но все равно был впереди всех, стараясь не уступать лидерство Лехе. Так мы и шли – впереди я, потом Леха, потом Василек, за ним Костик, еще Максим, тихий мальчик-шахматист из дома напротив, и Никита, отец его работал в какой-то внешнеторговой организации и часто бывал за границей, поэтому Никиту всегда брали во все интересные игры, так как все хотели ходить к нему в гости и смотреть видеофильмы по «видаку», которого тогда больше ни у кого не было.

Часам к десяти утра (у Никиты, конечно же, на руке красовались часы, и мы все время спрашивали у него, «сколько времени?», что добавляло серьезности нашей экспедиции) мы прибыли на место. На первый взгляд, это был обычный пустырь, поросший жесткой колючей травой, успевшей выгореть за лето, да кустарниками с пожелтевшей и частично утраченной листвой. По пустырю были разбросаны какие-то валуны и мусор, оставленный алкашами. Но стоило присмотреться, и открывалась совсем иная картина – валуны были не дикими камнями, а кусками стен, разбросанными взрывами бомб по всей территории, окружавшей некогда большой и красивый дом, а как раз у кустарника в земле открывались провалы, ведущие в темные, сырые и прохладные подвалы таинственного дома. По всему периметру пустырь был огорожен предупреждающей бело-красной лентой. Видимо, власти таким образом пытались удержать юных искателей приключений от проникновений в заброшенные, полуразвалившиеся подвалы.

Глава 2

Тишина

Вода в пруду походила на блестящий черный осколок застывшей смолы. Вроде той, чем в детстве ремонтировали крыши. Рабочие плавил ее в ведрах и замазывали трещины в рубероиде. А мы с пацанами пробирались на крышу, тыкали в ведро с кипящей смолой палку и, медленно вращая, смотрели, как черный шарик на конце нашего орудия становился все больше и больше, пока, наконец, не начинал походить на древнерусскую палицу. Чтобы сходство было еще большим, пока смола не успевала застыть, в нее необходимо было воткнуть длинные иглы акации. Выходила самая настоящая палица, страшная на вид, но опасная разве что для глаз. Наши игровые столкновения нередко заканчивались тем, что, ударяясь друг о друга, палицы разлетались на пластинообразные осколки. И осколки эти были похожи на бутылочные, с той лишь разницей, что обладали идеальным черным цветом и были очень хрупкие. Если крутить такой кусочек в руках, то можно было увидеть в нем отражение – свое или кого-то еще, но очень странное: отражаемая в смоле действительность преображалась. Там всегда была ночь. Вот и сейчас я смотрел, как на отражаемый в воде набросок монастыря опустилась ночь. Загустели сумерки, и стены, обычно такие пронзительно белые, вдруг вобрали в себя ночную тяжесть и стали темно-серого цвета. Я уже знал, что это значит. Я опустил капюшон, застегнул молнию на вороте, втянул в рукава ладони. Тут же пошел дождь, и поверхность воды расцвела множеством мелких узоров. Как будто живущая в воде рыба вдруг вся разом всплыла и давай играть. Начинался дождь. Я посмотрел вверх. Небо было темно-синего цвета. Тут же мне на лицо попало несколько капель. Я опустил голову вниз и втянул шею в плечи. Опять уставился на воду. Звук ударов капель по куртке звучал почти как музыка.

– Промокнешь совсем. Что сидишь тут под дождем? – раздался у меня за спиной чуть хриплый мужской голос.

– Да не должен промокнуть. Куртка непромокаемая, – ответил я не оборачиваясь.

– Волшебная, что ль? – усмехнулся голос за спиной.

– Нет. Просто для парусного спорта. Должна выдерживать. И не такое выдерживала, – ответил я спокойно.

– Ну смотри. А то простынешь. Тут простуда подкрадывается незаметно, зато берет так берет – болота! – мужичок, видимо, жестом указал на все, что окружало нас, но мне этого было не видно.

– Да я уже почувствовал на себе, – сказал я. – По приезде сразу слег на пару дней. Но сейчас вроде привык.

Захлюпали шаги, и передо мной вырос обладатель голоса. Видеть его я мог только по пояс, так как сидел на лавочке, а поднимать голову не хотелось. Мужчина повернулся к пруду, и мы долго молчали. Дождь усилился. Теперь не разобрать уже ударов капель. Вместо музыки – белый шум. Как в сломанном радиоприемнике.

– А ты как? Не промокнешь? – спросил я у незваного гостя.

– Я-то? Да нет... я уже свое отпромокал, – мужик усмехнулся.

– Интересно... – сказал я почти беззвучно.

– Да со мной уже ничего не станет. Столько всего в жизни этой было... Отдыхаешь?

– Да.

– А не хочешь со мной на источник купаться?

– Хм... Так, я думаю, точно заболую. Сейчас в ледяную воду мне только не хватало.

Мужичок присел ко мне на лавочку. Я чуть повернулся к нему и попытался разглядеть собеседника. В отличие от меня он не прятался от дождя под капюшоном. Капли свободно

текли по его обветренному загорелому лицу. Они огибали глубокие морщины, словно по руслу реки, бежали потоком по углублению в щеке – тонкому длинному шраму, который ровной линией расчертил лицо от виска до правой ноздри. Мужчина был очень коротко и неровно стрижен. Длина волос и бороды была одинакова, и там и там виднелись характерные для ручной машинки неровности. Пеньки его волос и щетины были седые. Из-за дождя я не мог разглядеть его глаза. Зато мог разглядеть его руки – мой визави то и дело проводил правой рукой по лицу, стряхивая с него толстый слой водяной пленки. Все пальцы были разукрашены наколками, а на внешней стороне ладони выбито какое-то имя и корабль с парусами.

– Не бойся. Не заболеешь. Тут вода, и там вода. Самое то. Пошли, а то мне одному как-то не так. Еще понравится, и будем вместе ходить. Знаешь, как бодрит, – сказал мне мужчина и встал, призывая последовать за ним.

– Ну ладно, – смирился я. – В конце концов, надо же попробовать. А с компаньоном все как-то веселее. У нас в комнате никто не отважится.

– Да ладно! Во хлюпики... Так тем более пошли. Потом расскажешь им. Пример подашь, – мужчина зашагал от меня вдоль пруда.

Пройдя метров двадцать, он остановился подождать. Остаться теперь на лавочке было как-то неловко, и я нехотя поднялся и побрел за ним.

Мы обогнули пруд и подошли к маленькому деревянному домику-купели. Я каждый день проходил мимо него по нескольку раз, но зайти не решался. Я знал, что вода в источнике была не больше четырех градусов. Сама мысль о купании в таком холоде заставляла меня зябнуть. Сейчас же я довольно уверенно подошел к деревянной, украшенной православным крестом двери и, отворив ее, первым ступил за порог. Мужчина зашел следом и закрыл за собой дверь.

– Тут теперь главное – не думать. Решил – делай, – сказал мне мужик деловито и начал снимать одежду.

Внутри купели были две лавки и крючки-вешалочки на стенах. Мужчина стянул с себя черную промокшую куртку, влажный черный вязаный свитер. Разулся. Задвинул резиновые сапоги под лавку. Снял носки. Остался в одних лишь серых, сильно застиранных кальсонах. На вид ему было немногим за пятьдесят. Сухого, крепкого сложения. Среднего роста. На теле – несколько длинных шрамов, на животе и на груди. По плечам, рукам и груди разбежались потертые лагерные наколки. На шее на обычной тонкой веревке – простой нательный православный крестик.

– Ну а ты чего? Я сейчас окунусь и пойду сразу. Мерзнуть тут потом зачем? Чифирить пойду.

Я осторожно стал раздеваться, потихоньку ощущая, как к телу моему все ближе и ближе подступает холодный, мокрый воздух источника. Последовав примеру мужичка, я разделся догола. Пока он читал какую-то молитву и крестился, я, стараясь не ступать на деревянный пол купели, на цыпочках, словно цапля, замер на собственных ботинках.

– Ну, с Богом! – сказал уверенно мой компаньон и побрел к находящейся в углу комнаты лесенке.

Он решительно шагнул вниз, и в то же мгновение я услышал, как он, громко фыркая, окунулся в воду. Раз. Потом второй. И потом третий. Окунулся в воду мужичок, не торопясь, со знанием дела. Будто процесс доставлял ему удовольствие.

– Фух! Хорошо! – сказал он, поднимаясь из купели. – Давай теперь ты.

Я аккуратно, на носочках ступая по ледяному полу, допрыгал до границы лестницы и посмотрел вниз. Пять ступеней отделяли меня от поверхности воды. Она была прозрачна и чиста, как водка в поминальной рюмке. Стало немного страшно. Но отступать было поздно. Я собрал всю свою волю и пошел вниз. Как только пальцы коснулись пленки воды, меня обуял настоящий ужас – она была в сто крат холоднее, чем я себе представлял. Что-то совершенно запредельное. Мне даже показалось, что кончики пальцев, коснувшись ее, тут же посинели

и утратили всякое кровоснабжение. Сердце заколотилось в груди со скоростью ударов капель дождя о стекло.

«Ну же, тряпка... – сказал я самому себе сквозь зубы. – Давай! Ты же не девчонка. Ты можешь. Вон мужик как плескался...» Я еще что-то хотел сказать приободряющее, но оборвал себя на полуслове и быстро шагнул в воду. Я буквально скатился вниз по ступенькам и оказался по грудь в этом обжигающем ледяном колодце.

– Мама! – заорал я и окунулся в воду с головой.

– Бл...! Ху...! В пи...ду! – вынырнув, я тут же окунулся на одном дыхании второй и третий раз.

Выныривая в третий раз из источника, я почувствовал, что у меня темнеет в глазах. Сознание куда-то повело. Я на автомате сделал большой шаг через две ступеньки и, ухватившись за протянутую мужиком руку, выскочил наружу.

– Ох! – продолжал я причитать и материться. – Ох! Не могу прям...

Ни рук, ни ног я не чувствовал. Глаза готовы были выскочить из глазниц от шока. Сердце вот-вот наружу вылезет, прорвав реберную решетку.

– Ну ничего, ничего. Бывает... Давай успокаивайся. Дыши. Дыши, – затараторил мужичок где-то слева от меня.

Я замахал руками, пытаюсь вернуть им кровоснабжение. Сделал несколько больших вдохов и выдохов. Сознание вроде возвращалось. Голова кружилась. Тело все горело. Удивительное дело – я был почти совсем сухой. Правда, тело все покрылось пупырышками, член вообще, можно сказать, исчез. Яйца поджались к телу.

– Фух, – выдохнул я. – Простите меня за мат. Я просто не мог себя контролировать... Я не думал, что это так... так холодно.

– Ничего, в первый раз так у многих. Бесы выходят. А они молча не могут покидать обжитое место.

Я посмотрел на мужика, пытаюсь понять, шутит он или говорит серьезно. Но по его глазам понять это было невозможно. Он был сам как бес. Вроде бы глаза добрые, но с таким прищуром хитрым, что закрадывается что-то в душу не то. Взгляд цепкий, но усталый. Глаза человека, который очень много повидал в жизни. Такой шутит, как не шутит, а скажет правду, так улыбнется, а ты думай.

– Меня Гриня зовут, – сказал мужчина и протянул руку.

Я представился и протянул руку в ответ. Рукопожатие было крепким, но в меру. В последний раз мне так жал руку отец, когда поздравлял на свадьбе. Так мужчины жмут друг другу руки, когда ставится какая-то точка. Такие рукопожатия подводят черту. Закрепляют достигнутое.

– Ну что? Одеваемся и пошли?! – сказал Гриня.

Он перекрестился и стал надевать одежду. Я последовал его примеру. Одеваясь, я почувствовал, как по всему телу разливается тепло. Холод окончательно отступил. Было даже немного жарко. Застегнув куртку, я вышел на улицу. Гриня последовал за мной. Дождь кончился, но воздух был такой влажный, что казалось, будто я не иду, а плыву сквозь него. Каждый раз, делая вдох, я прям ощущал, как легкие мои, словно губка, наполняются этой тяжелой влажностью.

– Сейчас надо чайку горячего. И все сухое надень, – деловито советовал Гриня.

Мы прошли мимо большого храма, потом шагнули на расплывшуюся от дождя грунтовую окружную дорогу, которая вела от главных ворот к храмам поменьше и монашеским кельям. Перешагивать лужи было просто невозможно. Дорога превратилась в одно сплошное месиво. Аккуратно, чтобы не зачерпнуть лишнего, мы почапали к воротам. Пройдя полпути, Гриня остановился.

– Ну что? Будешь со мной ходить иногда? – спросил он и улыбнулся очень доброй и светлой улыбкой.

– Буду, конечно, – не задумываясь ответил я.

– Ну, мне сюда, – сказал Гриня и указал на один из домиков, где жили «послушники» и «трудники».

– А я «на ворота». Меня там разместили, – я рукой указал на белую башенку монастырских ворот, в которой укрывалась комната для постоя приезжих.

– Ну тогда до встречи, – сказал мужчина и пошел к своему домику.

Я смотрел ему вслед несколько секунд, а потом продолжил свой путь. Проходя мимо монастырского кладбища, я остановился. Обернулся и посмотрел на смотрящие куда-то далеко за небо ракеты-купола монастырских церквей. Я зажмурился и сделал глубокий-глубокий вдох, закрыл глаза. Весь этот монастырь, этот болотистый лес за оградой, эти маленькие, аккуратные, нелепо разбросанные по территории домики, эти белоснежные церкви, эта дорога, разбитая колесами грузовых машин, и я – замерзший, согретый, потерянный и нашедший себя одновременно, – все это растворилось, смешалось и потеряло всякий собственный отдельный смысл, ибо было одним целым, и, в свою очередь, было лишь частью чего-то большего. Чего-то огромного, что, несмотря на свои невероятные размеры, могло сжаться до размеров моего сердца, войти в него с этим глубоким вдохом и отозваться в нем самой пронзительной и чистой тишиной.

Глава 3

Без сна

В первую ночь здесь я не мог заснуть. Будто что-то держало меня за руку и дергало каждый раз, когда я начинал проваливаться в забытие. Я ворочался и ворочался на своей скрипучей раскладушке, стараясь не вдыхать носом запах, исходящий от влажной, «задохнувшейся» постели. Я очень хотел спать. Но, увы. Как только я начинал видеть сон, он сразу же обрывался видением моего собственного лица. Будто я опускал голову к поверхности озера и видел в ней свое отражение. Такого странного сна я никогда не видел раньше. Было в этом что-то пугающее. Мое собственное лицо замирало от меня лишь в нескольких сантиметрах. Близко-близко. Я мог разглядеть все морщинки, все трещинки, поры, неровности кожи. Гиперреализм. И глаза. Я даже видел, как чуть кольшется, реагируя на нервные сигналы, радужка зрачка. Было жутко, и это заставляло меня сразу же просыпаться. Я открывал глаза и стискивал зубы. Переворачивался на другой бок, надеясь, что сумею все же как-то приспособиться и заснуть. Но все повторялось. Опять я приближался к заветной черте, за которой, по идее, меня поджидало спасительное безмолвие. Но вновь – странное видение и мое нервное пробуждение даже не в страхе, а, скорее, в недоумении. Заснуть я хотел очень сильно не только потому, что устал, как бездомный пес, после долгого поезда и пешего похода на двадцать три километра. Но и потому еще, что был опустошен бесконечным диалогом с самим собой, который в последнее время перешел в форму спора на повышенных тонах. Мои внутренние голоса вконец распоясались. Темы, поднимаемые ими, были болезненны и неприятны. Но я ничего не мог с ними сделать. Где-то прямо под сердцем у меня бурлило и раздражение, и сожаление, и досада, и отрицание, и жалость к самому себе. Все это перемешалось, словно в блендере, и било прямо в мозг, рождая все новые и новые бредовые мысли. Я был готов уже заорать сам на себя: «Заткнись, гад! Заткнись! Я спать хочу!» Но какой смысл? К тому же я не хотел в первый же день здесь прослыть человеком со странностями. Кричать среди ночи на самого себя, на мой взгляд, было слишком даже для монастыря. И потому я отчаянно концентрировался на своей усталости. Я, как жук-скарабей, катил грязный ком своего сознания в черное небытие, но, увы, там меня опять поджидало мое собственное лицо, молчаливое и укоризненное, одним своим взглядом возвращающее меня обратно.

Спавший на кровати в правом углу комнаты белорус Микола, уже встал, покряхтел, собираясь, и побрел в коровник, а я так и не мог уснуть. Где-то закричал петух. Ему ответил второй. И началось. Заржала лошадь, замычали коровы. Я положил подушку сверху на голову и, не обращая внимания на окутавший меня запах сырости, порадовался, что внешние звуки стали несколько тише. Но тут же в голове зашумели внутренние голоса. Было ясно, что еще чуть-чуть, и я сойду с ума.

Лежащий справа от меня дед Антон, пожилой бородатый мужчина, носящий очки с толстыми стеклами в круглой широкой оправе, тоже проснулся и начал собираться на утреннюю службу в церковь.

– Не спится? – спросил он меня, видя мою страшную борьбу на раскладушке.

– Не... Ничего не выходит, – пробурчал я из-под подушки.

– Это ангел-хранитель тебе спать не дает. Дергает тебя. Видимо, мысли твои не тем заняты...

– Это точно, – тихо ответил я.

– А здесь монастырь. Здесь мысли светлые должны быть. Вот он и дергает тебя. Не дает заснуть с ними.

Не знаю, понимал ли старик, насколько он был прав, или просто нес мне какую-то заученную стандартную проповедь. Но я почему-то нисколько не сомневался в правдивости его слов. Даже это лицо. Мое уставшее лицо. Преследующее меня всю мою первую ночь в монастыре... Как же оно могло походить на образ отчаявшегося спасти меня ангела-хранителя?

– Ну что? Может, пойдешь со мной на службу? Тебе надо бы, – сказал дед Антон, надевая шерстяные носки.

– Пойду. Все равно я спать не могу.

Я выполз из-под влажного одеяла и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить других пятых обитателей комнаты, надел свои болоньевые сноубордические штаны, спортивную кофту с капюшоном, куртку, термоноски и вязаную шапочку. Допрыгал в носках до прихожей и, усевшись на ступеньки лестницы, ведущей вниз из комнаты, зашнуровал на ногах кроссовки.

– Вон как ты вырядился... – усмехнулся дед. – А рабочее у тебя что-то есть? Ну если нет, то отец Михаил тебе что-нибудь сообразит.

– Это и есть рабочее... – пробурчал я.

Хотя было уже понятно, что мои наспех закупленные в спортивном супермаркете «походные» шмотки выглядят здесь как наряды «от кутюр».

– По коровнику в таких кроссовках не попрыгаешь, – продолжал бурчать дед, надевая свои высокие кирзачи.

– Ну... что-нибудь придумаем, – прошептал я, скорее, самому себе. А внутренний голос тут же заорал: «Какой еще на фиг коровник, не нужен мне никакой коровник!» Но я сделал над собой усилие и сумел его чуток сделать тише. Так что никто его не услышал.

Мы вышли из комнаты, спустились вниз по лестнице и, отворив прерывисто и жалобно поскрипывающую дверь, оказались на улице. Воздух был, как вчерашний кисель, – темный, плотный и до хрипоты холодный. До рассвета было еще далеко, а луна уже ушла. Идти приходилось почти на ощупь. Я старался светить себе под ноги, включив экран мобильного телефона, но света он давал так ничтожно мало, что я то и дело ошибался и оказывался в луже. Пару раз я серьезно оступился, и правый кроссовок наполнился ледяной водой. Я подумал было сразу вернуться, но тут же обозвал себя «неженкой» и решил терпеть. Дорога сначала шла вдоль монастырских стен, а потом перпендикулярно соединялась с главной дорогой от центральных ворот к храму. На ночь ворота запирались. Оставалась открытой только калитка, проходя мимо которой я увидел чей-то силуэт и слабое мерцание огонька сигареты: в монастыре курить запрещалось, а потому все курящие трудники выходили подышать за территорию через эту дверь.

Я шел гораздо медленнее деда Антона. Я что-то бурчал себе под нос и боязливо поглядывал на кресты кладбища, раскинувшегося по правую сторону от дороги. Двадцать–тридцать аккуратненьких могил с деревянными крестами. Почему-то в то первое монастырское утро мне казалось, что за мной сейчас наблюдают все эти неизвестные покойники. Наблюдают и осуждают. Все было каким-то чужим и враждебным. И дед Антон неслучайно ускорился, совершенно не собираясь дожидаться, пока я допрыгаю до него. Я отстал и шел в тишине и темноте совершенно один. Дорога была грунтовая с хилыми проплешинами щебня. Идти от моего жилища до храма было никак не меньше восьмисот метров. В то первое утро эти восемьсот метров мне показались длинными до бесконечности. Не знаю, сколько занял у меня этот путь. Но, пока я шел, я успел вспомнить почти всю свою жизнь. И все, прожитое мной за тридцать лет, вполне могло при определенных обстоятельствах потянуть на определение вечности.

Неожиданно грунтовка превратилась в плиты, и ноги радостно загудели по камням, сухим от постоянно дующего здесь колючего ветра. Еще метров пятьдесят пути, и из липкого мрака вырос монолит храма – две каменные глыбы с башнями, украшенными синими куполами, тонущими сейчас в еще совсем ночном небе. Я подошел к нижнему храму, из окон кото-

рого сочился боязливый свет от горящих церковных свечей, вытер грязь с кроссовок о края дорожных плит и, сняв шапку, открыл тяжелую дверь и шагнул внутрь.

В храме было много людей – мужчин и женщин. Шла служба. Один из монахов, уже знакомый мне отец Михаил, читал нараспев какую-то молитву. Голос у него был сильный, красивый, уверенный. Я проскользнул между людьми в самый дальний уголок и затаился. Пока шла служба, я стоял и продолжал думать о своем. Точнее, мой внутренний голос вел разговор с Богом. Как будто Бог был где-то рядом, и обладал невиданным терпением, и готов был меня слушать. Я оправдывался перед Богом как мог. Я объяснял, что на самом деле я вовсе не такой уж и плохой, и, в конце концов, я живой человек, сотканный из слабостей и всяких там сложностей. И я точно есть. А вот стопроцентного доказательства того, что Он есть, нет. Так что, Бог, прости меня. В этой ситуации, когда ни в чем нельзя быть уверенным, кроме собственной слабости и незащитности, я еще неплохо проживаю свою долбаную жизнь. Бог ничего не отвечал мне. Он просто слушал. А, может, и не слушал меня вовсе. А слушал прекрасный голос отца Михаила. Наверняка, то, что говорил Ему он, было в стократ приятнее. А еще я стоял и причитал: ну как же так? Ну почему? Чем я заслужил? Почему у меня не «все, как у людей»? И так далее и тому подобное. Почему я здесь? Что я тут ищу? Ведь очевидно, что я не создан для этого места.

Периодически мой внутренний разговор с Богом прерывался на то, чтобы оценить происходящее вокруг. Я поглядывал на женщин в черных платках и думал, что женщины «во Христе» – это самое нелепое, что может быть. Меня раздражала их неухоженность. Я подумал, что даже если они решили, что теперь их единственным мужем будет Господь, то почему же они не считают, что ему приятнее было бы иметь в женах красавиц? Почему они так странно одеваются, почему такие лица? Я поглядывал на мужчин, окружавших меня. Это были монахи и простые трудники. И во всех находил что-то раздражающее. Я прям сходу видел все их недостатки. Я в секунду давал оценку и клеил «ярлыки». Постояв в храме меньше часа, я решил выйти, так как никакого успокоения для себя я там так и не нашел.

На улице тем временем рассвело, и воздух резали быстрые птицы. Я побрел по дороге обратно к своему жилищу, надеясь, что вот сейчас наконец-то забудусь таким долгожданным сном. Мне вспомнилось, что я ничего не ел со вчерашнего обеда, и удивился, что есть мне не хотелось. Однако ощущение было очень странное. Я понимал, что есть мне не хочется от бессилия. Я чувствовал такую противную зябкую усталость, что мне не хотелось вообще ничего. Ни есть, ни пить, ни разговаривать, ни слушать кого-то. Все, чего я хотел, – это завернуться в одеяло и лежать так часами в темноте и тепле. Мне уже было даже плевать на преследующий везде запах сырости. Я хотел просто ощутить покой. Я чувствовал себя так, будто меня долго-долго терли о мелкую терку. И вот я весь покарябанный, в миллионах кровотокающих ран, малейшее касание которых вызывает нестерпимую боль. Я готов был заорать на вдруг заголосившего где-то совсем рядом петуха матом. Лишь бы меня оставили в покое. Все. Все. Все. И чтобы я сам оставил себя в покое, наконец. Я не выдержал и сначала ускорил шаг, а потом, преодолев усталость, и вовсе побежал. Пробегая мимо идущего по направлению к трапезной монаха, я услышал что-то вроде осуждающего «по монастырю не бегают» и чуть было не ответил посылком куда подальше. Я долетел до нашей жилой «башенки», поднялся бегом по лестнице. Быстро сорвал с себя верхнюю одежду и, не отвечая на какие-то вполне дружелюбные вопросы соседей по комнате, забрался под одеяло и затаился. Сначала я просто лежал тихо-тихо, стараясь не дышать. А потом почувствовал, как начинаю поскуливать, а по щекам катятся предательские горькие грязные слезы. Я пытался сдерживаться, но ничего не получалось. Я засунул кулак в рот и беззвучно рыдал под пахнущим болотом одеялом. Рыдал долго, пока не кончились все слезы, пока мозг не стал похож на крошенный скрипучий пенопласт без каких-либо мыслей и сигналов. Пустой, белый, гранулированный мусор. Я поджал ноги к груди, закрыл глаза ладонями и наконец-то уснул.

Глава 4

День первый

Дорога от монастыря шла через болота. Грунтовая, насыпная, построенная на пожертвования богатых прихожан, замаливающих грехи девяностых. Они, возможно, как и я, однажды сбежали сюда от своих душевных болей. Сбежали, нашли себя или Бога, а, вернувшись обратно в мир, выделили достаточную сумму, чтобы у каждого желающего появилась возможность добраться до этого глухого места. Когда-то путникам приходилось идти по еле заметной тропинке через болота. Сейчас через эти непроходимые топи и вечно гниющий лес вела более-менее сносная грунтовка, по которой возможно было проехать на легковом автомобиле.

Я застегнул куртку до самого верха, натянул поглубже капюшон и зашагал от монастыря. После нескольких часов очень большого тревожного сна мне хотелось пройтись, побыть одному, так, чтобы никто не мешал разобраться в себе. Время было около трех дня. Я так ничего и не ел. В голове был некий барьер, мешавший мне пойти вместе со всеми в трапезную и подкрепиться монашеской едой. К тому же постоянное бурчание в животе меня мало беспокоило. Гораздо больше меня интересовал ответ на вопрос, почему я здесь. Но ответ пока не находился. Я просто скрылся, убежал. От самого себя и проблем. От груза потерь, накопленных за тридцать лет какой-то пустой жизни. От ошибок, совершаемых раз за разом, комом катящихся за мной, грозящих раздавить меня в лепешку, стоит мне только остановить свой бег. От долгов, от очередной денежной катастрофы, как мне казалось тогда, раздавившей мою волю и мое эго навсегда. Я нигде не мог укрыться от всего этого. Но мне показалось, что здесь, за стенами монастыря, я хотя бы дам себе передышку.

Я не сообщил никому, куда еду. Даже жене. Хотя кому сообщать... С женой мы уже практически развелись, и то, что осталось между нами, было лишь осколками наших общих мечтаний и надежд. Разрушенных надежд. Я просто купил билет на поезд, доехал до Пскова, и дальше – на «попутке» и пешком по этой грунтовке. Как идти, я посмотрел в интернете. Про монастырь этот я знал давно. И даже пару раз думал сюда съездить. Только все не понимал – зачем. А тут как-то вся картинка сложилась, и одним похмельным утром, когда из зеркала на меня посмотрел особенно неприятный, жалкий, слабый, но все же родной персонаж, я вдруг спросил себя, ну как так? Где эта грань, эта черта, когда вдруг из меня, такого чудесного когда-то мальчика, такого тонкого, храброго, ранимого, мечтательного, светлого, черт побери, выросло это дерьмо? Слабое, безвольное, ноющее, раздавленное и безнадежное. Этот вопрос застрял у меня в горле, и я молча собрал вещи и побрел на вокзал.

Года два назад я последний раз был в церкви. Мы с женой заезжали в церковь Николая Угодника на Новокузнецкой. Тихая, светлая, не пропитанная духом коммерции, как многие другие, эта церквушка была нам очень близка, и жена часто посещала ее. Изредка к ней присоединялся и я. Заходил внутрь. Ставил свечки к нескольким иконам, которые казались мне «своими», стоял, слушал томную церковную тишину, или, если шла служба, красивые голоса служителей. Однажды один из священников, проходя мимо меня, почему-то сказал: «Всех по-разному Бог призывает к себе. Для большинства людей нет другого пути, кроме как через страдания. Лишь когда совсем плохо, люди идут к Богу». Неужели даже тогда, когда я был на вершине своего надуманного успеха, он разглядел на моем лице печать страдания? Или, может, заглянул в мое будущее... Или ему с первого взгляда было понятно, что кроется за всем этим моим спокойным благополучием, застывшим восковой маской на лице...

Как человек из ребенка превращается во взрослого, по крупицам теряя все самое лучшее, что дала ему эта жизнь? Как на пути к успехам он теряет самого себя, и как, выпустив из рук кубок победителя, обнаруживает, что у него ничего больше и не осталось, кроме потного следа

на ладонях? А ведь есть кто-то, кто знает все наперед, кто не спешит за призрачным счастьем, кто остановился в моменте и понимает истинную ценность вещей. Мне тогда подумалось, что если есть такие люди, то они должны быть здесь. Вдали от всей суетной жизни, в монастыре, спрятанном от реальности за десятками километров болот.

Перед отъездом я набрал номер настоятеля и просто спросил: можно я поживу у вас немного?

– На сколько вы хотите приехать? – спросил в ответ настоятель.

– На недельку-две, – ответил я, прикинув, что больше я навряд ли выдержу.

– Приезжайте хотя бы на месяц, – ответил настоятель. – Приезжайте и оставайтесь столько, сколько вам нужно.

Меня немного удивило, как запросто меня приняли. Будто ждали.

Я доехал на поезде до Пскова. Потом на попутках добрался до деревеньки Крыпицы. А дальше пошагал пешком. Вот по этой же дороге, по которой я теперь иду в обратную сторону. Мимо этих бесконечных одинаковых кривых елей, мимо поваленных ветром, подточенных болотным духом сосен. Несколько часов спокойного шага, и передо мной вырос белый, будто сделанный из сахарной глазури, монастырь. Окруженный высокой стеной храм и несколько хозяйственных построек. Башня с часами без стрелок и колокольня. Меня сразу поразило, насколько здесь низкое небо. Вчера, когда я, сняв с плеча спортивную сумку, ожидал настоятеля у его маленького деревянного домика, редкие низкие облака то и дело задевали крест на главном синем куполе. Настоятеля я ждал с некоторой робостью. Я думал, что меня ждут расспросы, и хотел этих расспросов, хотел разговоров. Я хотел, чтобы кто-то объяснил мне, зачем я здесь и что должен делать, чтобы моя поездка сюда обрела какой-то смысл. Но ничего подобного не случилось. Настоятель принял меня, спросил еще раз, сколько я планирую у них побыть, сказал, что отец Михаил поможет мне разместиться, благословил и сказал идти. Больше ничего. Ни вопросов, ни ответов. Меня поселили в этой странной комнате «на воротах». В ней четыре кровати и три раскладушки. Сырые одеяла и странные люди в соседях. Из тех, с кем бы я никогда не пересекся в жизни, не забрось меня сюда судьба. Самые низы общества. Многие сидели. Видно по пальцам и по лицам.

Начался дождь. Тихо, обреченно, зло. Дорога под ногами тут же начала расклеиваться. Меня обогнала машина. «Странное дело, – подумал я. – Люди едут из монастыря. Видимо, верующие. Приехали, чтобы поклониться святыням, наверное. И вот они едут обратно, получив нужную им духовную пищу. Идет дождь, и по дороге из монастыря идет путник. До ближайшего населенного пункта двадцать с лишним километров. И понятно, что ни им, ни мне некуда свернуть. Так что выходит, что мы, скорее всего, попутчики. Что же это за христиане такие, что даже не остановятся и не предложат подвезти? А? И что же это за вера такая, если она не научила своих адептов таким простым вещам?»

Вот о чем я подумал, когда меня обогнала машина. Потом вторая. Потом третья. Я решил загадать, что если я дойду до столба «восемь километров» и никто так и не остановится, то ну его, этот монастырь, и все, что с ним связано. Вернусь-ка я лучше домой. Нет в этой поездке никакого смысла.

Я шел и шел. Сквозь мелкий противный дождь. Сквозь ватную, плотную тишину, которую не могли разрушить ни звук разбивающихся о капюшон куртки капель, ни звук моих шагов. Мне даже показалось в какой-то момент, что я космонавт на Луне. И моя куртка, застегнутая до предела, как скафандр. И грязь под ногами, как лунная поверхность... и одиночество. Пронзительное, острое, безысходное одиночество, когда ты понимаешь, что никто к тебе не придет и не поможет. Именно такое одиночество, наверное, должен испытывать покоритель Луны...

Вот уже вдали показался примеченный мною верстовой столб с цифрой «8». Он немного завалился на бок. На нем были вмятины от ружейной дроби – следы чьей-то пьяной забавы.

Выходит, что я прошел восемь километров, мимо меня проехали семь машин из храма, и ни одна не притормозила. Проехало несколько джипов и несколько разбитых советских «тазиков». И никому не захотелось подбросить одиноко шагающего под дождем человека... Я остановился возле верстового столба. Три аккуратные дырки в нем и две вмятинки, которые не сумели стать отверстиями. По идее, если поискать, то можно найти и саму дробь где-то рядом. Стрелять по дорожным знакам – вообще любимое пьяное развлечение в глубинке.

– Вас подвести? – раздался голос старичка у меня за спиной.

Я повернулся и увидел белую проржавелую «копейку» и седого мужчину лет семидесяти за рулем. Я очень обрадовался этому дедку. Выходило, что вроде как это знак. Хотя, скорее всего, никакой это не знак, а просто вот так вышло, что кому-то все же было не все равно.

– Нет. Но спасибо огромное. Храни Вас Бог. Я просто гуляю. Спасибо, что предложили, – ответил я, широко улыбаясь.

– Гуляешь? Хм... Ну ладно, – старик явно не видел смысла в этой прогулке под дождем.

Я поблагодарил его еще раз и развернулся обратно к монастырю. Шел, шел и шел. И стал замечать, что колючих мыслей в голове становится как-то меньше. Да и дождь начал стихать. Когда до монастыря оставалось уже около двух километров, так он вообще прекратился. Метров через триста–пятьсот мне встретился точно так же прогуливающийся отец Михаил. Он шел уверенным, спокойным шагом по другой стороне дороги. Я остановился и поприветствовал его. Он ответил мне кивком.

– Я вот решил гулять. Хорошо думается, – пояснил я ему зачем-то.

– Да... здесь тихо, – ответил отец Михаил. А потом добавил очень по-отечески: – Ты, я знаю, на обед и на завтрак не ходил. Приходи на ужин обязательно. А то тут без сил совсем нельзя. Сегодня гуляй, а завтра приходи ко мне. Мы тебе послушание дадим. Здесь принято всем работать.

– Хорошо, – ответил я.

Постоял несколько секунд, думая, что отец Михаил скажет мне что-то еще. Мне почему-то казалось, что он должен что-то сказать. Но монах повернулся и пошел дальше. А я зашагал к монастырю.

Подойдя к воротам, я увидел курящих Миколу и Лешу, моих соседей по комнате. Я махнул им в знак приветствия рукой. Они замахали мне в ответ, предлагая покурить.

– Да я не курю, – прокричал я и, пройдя через главные ворота, направился к трапезной.

После трехчасовой прогулки у меня разыгрался зверский аппетит, и я почувствовал, что готов съесть все, что мне предложат.

В трапезной пахло хлебом и квашеной капустой. До ужина было еще далеко, а обед я прогулял. В окошечке раздачи виднелась голова Саньки, моего соседа по комнате. Саньке было за пятьдесят, он был высок и строен. Глаза авантюриста, нос алкоголика. Я подошел к окошку и подозвал его. Тот, ничего не спрашивая, положил мне в тарелку гречневой каши, плюхнул на края два соленых огурца и ложку капусты. Налил в алюминиевую чашку компот из сухофруктов.

– Пост, – немного раздраженно буркнул он.

– Понимаю, – ответил я. – Ну и отлично, что пост. Похудею.

– Ага... – проворчал Санька.

Видно было, что идея худеть ему не очень нравилась.

Я присел на длинную скамью за стол. В трапезной стояли шесть длинных деревянных столов, за каждым из которых можно было разместить по восемь человек. Столы были накрыты клеенчатыми белыми в мелкий цветочек скатертями. В углу висела огромная, почти в пол человеческого роста, икона с изображением Спасителя. В противоположном от нее углу стоял массивный деревянный аналой с лежащей на нем толстенной церковной книгой. Стены были

окрашены в светло-зеленый цвет. Потолок низкий. Одна из ламп дневного света, видимо, готовилась перегореть и теперь время от времени невротично помигивала.

Я посидел пару минут, задумчиво разглядывая сваренную вкрутую на воде гречневую кашу. Вспомнил, что Вика очень любит гречку, а я нет. Мне захотелось вдруг позвонить ей и просто сказать, что я в порядке, что я жив и скоро вернусь. Но потом подумал, что так вот лучше для нас обоих, прогнал это желание прочь. Вздохнув, я стал поедать скудный монастырский обед. После почти двух суток голодания еда показалась мне какой-то божественно вкусной. Я умял всю кашу, а потом долго, стараясь смаковать, ел капусту и огурцы. Они были просто потрясающие. Чуть островатые, хрустящие, в меру соленые. Я откусывал их по чуть-чуть и медленно разжевывал. Мне хотелось еще чего-нибудь выпросить из еды, но Санька прогремел прощально кастрюлями и ушел, закрыв свое окошко.

– Ну, как есть... – сказал я сам себе тихо.

С колокольни раздался звон, призывающий всех на вечернюю службу. Я решил, что мне стоит пойти в церковь, постоять, послушать. Я сразу из трапезной отправился в верхний большой храм монастыря. Пока шла служба, я старался вообще ни о чем не думать. Просто стоял и на автомате повторял то же самое, что говорили монахи. Не всегда мне удавалось угадывать, что именно они говорят, так как церковный старославянский был для моего уха совсем чужим. Но я повторял за ними молитвы, и мне показалось, что внутри меня постепенно, по капле, образуется столь нужное мне сейчас спокойствие. Служба шла больше четырех часов. Стоять с непривычки было очень тяжело. Вскоре ноги затекли, и я постоянно переминался с ноги на ногу. Заныла спина. Но сесть на скамью я не решился, так как там расположилось лишь несколько совсем немощных старушек. Я, конечно, мог уйти, не дождавшись конца службы, но решил достоять из принципа. К тому же я хотел поймать на выходе настоятеля и задать ему несколько вопросов. Так что я терпел как мог. С усталостью внимание к службе почти сразу улетучилось, и я сам не заметил, как опять начал гонять в голове свои мысли. Я размышлял о том, что, наверное, Бог, если он и правда есть, то действительно Един. Моих поверхностных, но все же достаточно объемных знаний о мировых религиях вполне хватало, чтобы разглядеть много общего между ними. По сути, все религии обладают одним и тем же инструментарием для осуществления главной своей миссии – обращения к этому вот Высшему существу. Разные только обертки, подачи. А смысл один и тот же. У всех есть молитвы или мантры. Везде есть некое «колесо кармы» или грехи, за которые надо терпеть муки, и есть методики «искупления грехов». Какое-то время назад я, следуя общей модной тенденции, увлекся Азией и восточными философиями. Провел пару зим в Гоа и на Бали. Практиковал йогу и медитации. Прочитал несколько книг по буддизму. Но, когда вдруг почувствовал свою незащищенность и пустоту внутри, когда я понял, что жизнь зашла в тупик и самому мне никак из него не выбраться, я почему-то оказался не в буддистском, а в православном монастыре. Почему так, если Бог един и все мы обращаемся в своих мыслях к Нему? Может, потому что я русский... Может, потому что на каком-то глубоком уровне мне в итоге оказалось это ближе. Вот о чем я задумался, переминаясь с ноги на ногу на каменном полу большого светлого сводчатого храма. Среди еще тридцати совершенно чужих людей. Почти в тысяче километров от своего дома. С острейшим ощущением одиночества внутри. Я стоял и смотрел на ход службы, на яркие золотые одеяния священников, на их театральные, красивые, выверенные тысячелетиями служб жесты. Я слушал их отлично поставленные, певучие голоса. А время, словно сметана, тягуче переливалось из сосуда в сосуд. И вдруг, наконец, время вышло. Служба закончилась.

Монахи стали расходиться. Прихожане подходили к ним, протягивали руки и просили благословения. Последним шел настоятель, отец Владимир. Это был подтянутый бородатый мужчина лет сорока. Невысокий, худошавый, с тихим приятным голосом, со светлыми добрыми глазами. Я подошел к нему и спросил, может ли он уделить мне время. Он решил сначала, что я тоже прошу у него благословения, но я уточнил, что хочу с ним поговорить.

– Скажите, зачем я здесь? – спросил я у него.

Настоятель взял меня за руку и отвел чуть в сторону.

– Каждый человек рано или поздно приходит к Богу. Тебе повезло, и ты пришел к Богу сейчас. Довольно рано. Все, что тебе надо, это понять Бога, понять его закон, покаяться, исповедоваться, совершить таинство причастия. Без Бога человек – как одинокое дерево на ветру. Нет у него защиты. Потому и рвут его на части бесы и силы злые. Но, как только ты обретаешь Бога, мир меняется вокруг тебя, и ты видишь это. Ибо ты уже под защитой его, – ответил мне он.

– Я никогда в жизни не исповедовался... – почти прошептал я.

– Тогда тем более... Понимаешь, грехи твои – как маленькие крючки. Впились в тело и идти не дают. Даже если ты и решишь оставить прошлое и что-то поменять в своей жизни, идти дальше будет тебе тяжело, ибо на каждом из этих крючков висят грузики, тянущие тебя вниз. Потому и дали нам священное чудо исповеди, чтобы мог человек покаяться и, получив прощение, снять с себя груз прошлого. И идти дальше новым человеком. Возьми в библиотеке книгу о таинстве исповеди. Прочитай. Подготовься и исповедуйся. А потом я допущу тебя к причастию. А там, думаю, ты и сам поймешь, зачем ты здесь.

Настоятель перекрестил меня, приблизил руку свою, показывая, что я должен поцеловать ее. Я коснулся внешней стороны его руки губами и услышал над своей склоненной головой, что он благословляет меня. Я вышел вслед за ним на улицу. Посмотрел в небо. Удивительно, но туч уже не было. Небо все украсилось мелкими мерцающими звездами. Воздух был холодный и мокрый. И звезды казались от этого тоже мокрыми, словно это не небесные светила, а капли росы, блестящие в черной траве. Я закашлялся. Почувствовал, как в груди, в бронхах, заклокотала появившаяся за день от этого болотного воздуха предательская мокрота. Выдыхая воздух, услышал тихие свисты в груди, будто игрушку резиновую проколол, и не крикает теперь детский утенок, а лишь болезненно свистит.

«Только заболеть мне не хватало...» – подумал я и пошел в свою комнату над воротами.

Пока шел по дороге мимо кладбища, то и дело поглядывал вверх. Небо было совсем не похоже на московское. Как будто я смотрел на него с другой планеты. Проходя мимо главных ворот, я почувствовал, что меня начинает бросать в жар. Я понял, что все-таки заболеваю, и мне ужасно захотелось домой. Но я прогнал от себя эту мысль о доме и молча, с каменным лицом дошел до своей комнаты. Так же молча снял верхнюю одежду и залез под одеяло на свою раскладушку. В комнате был только один дед Андрей. Остальные, видимо, ушли на ужин.

– Ну что? Отпустил тебя ангел-хранитель? – спросил меня он.

Я ничего не ответил. Повернулся на бок и притворился, что сплю.

Глава 5

Запретный проход

Перед спуском вниз мы все остановились. Замерли в нерешительности. Так явно в тот момент ощущалось, что из залитого светом дня мы спускаемся в нечто совершенно иное. Холодок пробежал у меня по спине. Но вида подавать, конечно же, я не стал. Хотя почему-то стало страшно. Солнце палило почти перпендикулярно в макушку, зеркальная гладь Волги искрилась тысячами солнечных зайчиков, ласточки гонялись низко над землей, хватая на лету разморенную солнцем мошкарку и быстрых стрекоз, а мы вшестером стояли у темной дыры в земле и чувствовали что-то... Что-то нехорошее там. Но клад манил нас. Только я и Василек знали, что он «невсамделишный», и оттого мне особенно было страшно... Василек хлопнул меня по плечу. Я посмотрел в его лицо, как в свое отражение. Голубые глаза и светлые волосы крупными кудрями, редкие веснушки по носу и щекам, узкие скулы и характерный подбородок. Василек улыбнулся и первым шагнул по узкой тропинке между разломанными чудовищным взрывом бомбы кусками стен из сросшегося красного кирпича в холодную темноту. Мы последовали за ним.

Спуск занял несколько минут. Мы пролезли в разлом и оказались в старой, заваленной мусором комнате. Здесь мы уже бывали раньше, но дальше ходить не осмеливались. Тонкие лучи света проникали в комнату из провалов и дыр, освещая ее слабым светом, выхватывая из темноты танец повисшей в воздухе пыли. Было тихо и прохладно. Стены сложены из красного мелкого кирпича, кое-где сохранились остатки белой штукатурки. В нескольких местах на ней кто-то вывел мелом неприличные слова.

Когда-то это было центральным складским помещением, возможно, здесь хранился особенно ценный купеческий товар, а, может, просто запасы продовольствия на всю большую семью, вино на праздники и всякая домашняя утварь. Зал был площадью около восьмидесяти метров, и из него (или, скорее всего, в него) вели три заваленных всяким строительным мусором и вековым хламом коридора.

– Направо пойдешь – коня потеряешь... – хмуро пошутил Леша, намекая на сложность предстоящего выбора.

Решили голосовать, в какой коридор идти. И я, и Василек выбрали самый дальний, но остальные мальчишки, все, как один, проголосовали, что начать исследование надо с ближнего, а там и будем прочесывать по порядку. Спорить не хотелось, и мы с Васильком подчинились. Однако ближний проход оказался самым заваленным. Он был буквально замурован камнями и всякой гадостью. Тут были и пустые бутылки, и строительные капроновые мешки, и какая-то переломанная мебель. Создалось даже ощущение, что кто-то специально завалил этот вход понадежней. Стало еще больше не по себе, но мальчишки почему-то, наоборот, воодушевились – мол, раз завалено так, значит, неспроста, и клад должен быть именно там.

Мы аккуратно разбирали завал. Встав в шеренгу, передавали друг другу куски камня. Включенный фонарик повесили на торчащую из стены железку, чтобы пятно света освещало нам зону работ. Периодически, также по очереди, передавалась взятая кем-то походная фляга с водой. В подвале было душно. Мы все вспотели и изрядно выпачкались. Но авантюрный дух был на высоте. Минут через тридцать мы разгребли достаточный проход, чтобы в него могли протиснуться десяти–двенадцатилетние мальчишки.

На этот раз первым решил быть Леха. С фонариком в зубах он полез в щель, бурча, что надо было чуть пошире разобрать проход. В ответ ему крикнули цитату из «Винни Пуха»: «Просто кто-то слишком много ест!»

Все засмеялись. Леха обиженно замолчал и исчез в проеме. За ним последовал Василек, потом я, следом остальные. Костик чуть было фонарь с железяки снять не забыл. Его окрикнули, и он лазал обратно. В общем, все оказались в этом старом проходе. Сразу стало ясно, что это не вход на склад, а как раз нечто противоположное. Проход был прямой как стрела и, насколько можно было проследить фонариком, вел куда-то далеко. Он был узок, сложен арочным сводом из не крупного красного кирпича. На каменном полу были проложены узкие рельсы. Видимо, по ним катали нечто вроде тележки с грузами, подвозя или отвозя таким образом тяжелые вещи сразу на склад.

– Думаю, этот проход в сторону оврага ведет. К реке, где, наверное, пристань была. Так там разгружали, на тележку, и по этим рельсам сразу на склад. Умно, – высказался я.

– Скорее всего. Но давайте все же пройдем. Вдруг что интересное есть, – сказал кто-то из мальчишек.

Мы пошли вдоль узкой, почти игрушечной железной дороги. Ощущение было странное. Будто мы вдруг резко выросли, стали огромными и теперь идем по тоннелю метро. А под нами маленькие рельсы, да и сам тоннель даже для нас маловат. Наши фонарики хаотично выхватывали все подряд. Лучи и пятна света освещали то пол, то стены, но ничего интересного мы не видели. Проход был ровный, прямой. С идеальной кладкой, идеальным каменным полом и прямыми черными рельсами, положенными прямо на камни. Мы молча шли, окруженные лучами фонариков. Каждый, наверное, думал о своем. Я вот почему-то подумал про маму. Вспомнилась их вчерашняя ссора с папой. Стало грустно.

– Классно было бы их тележку найти! – прервал молчание Василек.

– Да наверняка стоит в конце пути. Она же, небось, тяжеленная, куда она могла отсюда деться.

– Да могли на металлолом утащить, – предположил Леха. – Помнишь, старшеклассники в прошлом году собирали? Так они чуть ли не гаражи соседские на металлолом разобрали. Тележку б эту точно уперли.

– Смотрите! – вдруг воскликнул Костик. Его фонарик, шарящий по одной из стен, вдруг прощупал какой-то боковой проход.

Это было узкое ответвление от тоннеля шириной сантиметров семьдесят. По нему мог пройти максимум один взрослый. Проход был закрыт стальной решеткой. Расстояния между прутьями были довольно большие. При желании ребенок мог протиснуться между ними, а вот взрослый, конечно, нет. Замка никакого не было. Решетка была крепко приварена, а на одном из черных металлических прутьев красовалась полуистлевшая жестяная табличка с надписью «Проход закрыт!».

– Надо посмотреть, что там! – сказал я и тут же без особого труда протиснулся между прутьями.

За мной последовал Василек.

– Ну вы идите, а я тут подожду, на шухере постою, – Леха прекрасно понимал, что между прутьями ему не пролезть.

Однако последовать за нами не смог не только крупный Леха, но и остальные. Костику мешали его торчащие уши, а у Максима в принципе была огромная голова, которая между прутьями не пролезала. Мы сначала смеялись над их тщетными попытками преодолеть эту преграду, но потом нам стало не очень смешно, так как было очевидно, что исследовать запретный проход предстоит нам вдвоем.

– Ждите нас тут. Мы быстро, – сказал Василек и, направив фонарик в темноту, пошел дальше.

Я лишь вздохнул и побрел следом, обыскивая лучиком своего фонарика старую кирпичную кладку запретного тоннеля.

Сколько мы шли по этому узкому коридору, сложно сказать. Время вдруг остановилось. Воздух здесь был плотный, спрессованный вековым бездвиженьем, затхлый, влажный, лишенный всяких запахов обычной жизни. Настоящий воздух подземелья. «Как в могиле», – вдруг пронеслось у меня в голове. Мы робко шагали вперед, подгоняемые любопытством и странным чувством долга перед остальными оставленными позади товарищами. Я уже хотел было предложить повернуть назад, как луч фонарика Василька нашел на стене нечто странное. Мы остановились и высветили фонарями кусок стены, весь покрытый еле заметными, изведенными временем и сыростью рисунками. Без всяких сомнений, много десятилетий назад их нарисовал неизвестный ребенок. Вот кораблик, с трудом сохранивший голубой цвет треугольного паруса, вот домик с башнями, похожий на средневековый замок, но с трубой и лихо закрученным дымом из нее. Вот человечки – мужчины в широких штанах, женщины в красных платьях и маленькие фигурки детей. Вот желтое солнце, намалеванное круговыми движениями слабой руки. Мы водили фонарями по рисункам и чувствовали себя археологами, нашедшими древние письмена. Кем был этот ребенок, пришедший сюда, далеко под землю, и нарисовавший все это цветными мелками? Возможно, он тоже играл, как и мы, что-то искал в этих подвалах, может, это было его потайное место, куда он приходил побыть наедине со своими детскими мечтами. Фонарик Василька скользил по рисункам облаков, реки, зеленых деревьев. Неизвестный маленький художник нарисовал целый мир, свой мир, когда-то окружавший его. По реке шел пароход с трубами, на палубе стоял усатый капитан. Может, этот малыш мечтал вырасти и стать таким вот капитаном, чтобы по реке однажды выйти в море, а там идти дальше и дальше, навстречу неизведанному, гонимый своей судьбой и жаждой приключений. Вдруг мой фонарик шархнул немного в сторону и выхватил из темноты еще один рисунок. В отличие от остальных он был начертан гораздо грубее, возможно, его нарисовал кто-то другой, а возможно, гораздо позже. И он был выведен черным углем. В более взрослой реалистичной манере, я бы даже сказал, весьма талантливо. Мне вдруг подумалось, что этот ребенок вырос, спустился сюда много лет спустя и дописал еще один эпизод к своей картине. Чуть правее от детских рисунков был старательно прорисован человек в черном. Шляпа, плащ, узкое вытянутое лицо с крючковатым носом, в руке у него была трость, он шел куда-то по черточками обозначенной дороге, и было не ясно, идет ли он к этим рисункам или просто вдаль, за горизонт, который тоже был выписан неизвестным художником. Следом за фигурой надвигался то ли черный дым, то ли туман, то ли гроза, которая, иди этот человек в детские рисунки, поглотила бы и их, и все стало бы объято черным плотным дымом. И было в этом рисунке столько печали, и так он контрастировал с яркими, наивными, неумелыми картинками, что становилось как-то не по себе. Стало вдруг резко холодно. Будто сквозняк какой прошел по ногам. Но это было лишь воображение. Воздух, как и прежде, стоял плотной массой без какого либо движения.

– Пойдем отсюда, – прошептал Василек.

И мы, не сговариваясь, повернули обратно.

Но не успели мы пройти и нескольких шагов, как остановились. Будь я один, я бы решил, что мне послышалось. Но я посмотрел на брата и мы оба поняли, что слышим одно и то же. Шарк, шарк, тук. Шарк, шарк, тук. Это совершенно точно был звук шагов. И раздавался он оттуда, откуда пришли мы сами. Шарк, шарк, тук. Это звучало где-то вдалеке. Но было совершенно ясно, кем бы ни был тот, кто издавал эти звуки, он шел по направлению к нам. Непреодолимый животный страх выпрыгнул из темной пустоты и мертвой хваткой сдавил со всех сторон наши детские тела. Стало трудно дышать. Шарк. Шарк. Тук. Мы переглянулись в темноте. Попятились назад к рисункам. Шарк. Шарк. Тук. Шаги становились ближе. Кто-то старый тяжело шагал по каменному полу, опираясь на трость. В голове ветром пролетели какие-то мысли: решетка, мальчишки, черный человек... Но тут же все они были выдавлены запретельным страхом, который может только испытать ребенок в темном тоннеле заброшенного подземелья. Мы выключили фонарики, боясь, что их свет выдаст нас, и, стараясь шуметь как

можно меньше, рванули в противоположную от шагов сторону. Мы старались бежать близко-близко друг к другу, боясь потеряться. Иногда я налетал на Василька, а иногда он чуть было не сбивал меня с ног. Но мы хотя бы бежали в этой крошечной темноте рядом. Однако, сколько бы мы ни мчались, как быстро бы мы ни неслись подгоняемые страхом, позади нас на том же удалении звучало «шарк, шарк, тук». И тут что-то случилось со всем пространством вокруг, все затряслось, затрещало оглушительно, и я, споткнувшись о кусок кладки, вдруг выпавшей из стены, упал, потеряв на мгновение ощущение рядом Василька. Я тут же вскочил и рванул за ним. Я закричал: «Василе-е-е-к» и мне показалось, что почему-то позади я услышал его крик: «Подожди!» Мне было так страшно, что я понял, что реву. С невидимого потолка клубами валила едкая пыль, засыпая глаза, слезы катились без остановки, а я стоял, прикованный к месту, и орал: «Василе-е-е-ек!» А в ответ не было ничего... Только страшный скрежет ломающихся сводчатых стен. Но вдруг на мгновение тоннель осветила полоска света, и мне почудилось, что я вижу Василька, бегущего ко мне со всех ног от наступающей на него темноты, и черного человека с тростью, чьи шаги «шарк-шарк-тук» потонули в грохоте разрушаемого старого здания. Что-то больно ударило меня по голове, и я провалился в болото темноты и одиночества. Падая в какую-то закручивающуюся спиралью воронку, я все слышал этот «шарк-шарк-тук»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.